

Я. С. ЛУРЬЕ

Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей

Исследование летописания — одна из научных тем, в разработке которых русская наука перед революцией достигла наиболее значительных успехов; проблема восприятия и развития этого наследия имеет важнейшее значение.

В 1917 г. в выпуске 29 «Летописи занятий Археографической комиссии» была опубликована первая часть капитального исследования А. А. Шахматова «Повесть временных лет»; отдельный оттиск этой работы (как нередко бывало с ЛЗАК) появился даже ранее — в 1916 г. Но вторая часть книги так и не была опубликована до смерти ученого в 1920 г. Не вышла в свет при жизни А. А. Шахматова и другая работа, бывшая как бы основой всех его исследований летописания, «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Обе они были изданы (М. Д. Приселковым) значительно позже — в 1938—1940 гг.¹

Через два года после смерти А. А. Шахматова, в 1922 г., А. Е. Пресняков и М. Д. Приселков опубликовали в Известиях ОРЯС статьи-доклады, посвященные трудам ученого по истории летописания. В этих статьях был охарактеризован путь, которым следовал А. А. Шахматов при исследовании летописей: «...начав с этюдов над древним русским летописанием, киевским и новгородским, А. А. Шахматов углубился затем в изучение летописных сводов XV и XVI-го столетий, чтобы вернуться позднее к более широкой и углубленной разработке истории древнего летописания. . . Непрерывность крайне сложной летописной традиции ведет его от свода к своду, так как составители дошедших до нас летописных книг имели в своем распоряжении не сырой материал, а прежние своды. Такие свойства летописного дела дают особое направление анализу состава наших летописных сводов. Их сравнительное изучение позволяет выделить в их составе тождественные и глубоко сходные элементы текста, причем обычно результат получается такой, что близких или тождественных текстов двух сравниваемых сводов нельзя, однако, признать заимствованием одного из другого, а приходится возводить к одному общему оригиналу. . . Можно сказать, что среди дошедших до нас списков летописей такие, которые непосредственно связаны между собой как оригинал и копия или как непосредственный источник, из которого выписки делались, и свод, их воспринявший на свои страницы, — большая редкость. Обычно родство воспринимаемых летописей, хотя бы самое близкое, более сложно, и зависит именно от пользования общим источником, до нас не дошедшим. . .

¹ Шахматов А. А. 1) Повесть временных лет: Вводная часть; Текст; Примечания. Пг., 1916; 2) «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9—150; 3) Обозрение летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938 (далее: Шахматов. Обозрение).

А. А. Шахматов усилием творческой мысли переносит центр внимания исследователя с „наших летописных сводов“ на другие „основные своды“, лишь отражение которых мы обозреваем в доступном прямому изучению рукописном материале». М. Д. Приселков упомянул в своей статье и шахматовское «Обозрение», тогда еще не изданное, — «фундамент будущей постройки состава и текста Повести временных лет, старательно укрепляемой и складываемой из года в год заботливою авторскою рукою». Отмечали оба исследователя и значение «основных моментов в истории летописного дела, установленных А. А. Шахматовым, для изучения русской истории IX—XVI вв.», и те обязательства, которые отныне налагали на историков исследования ученого: «... А. А. Шахматов безвозвратно похоронил возможность изучать и рассказывать о тех эпохах рус<ской> истории, о которых говорит летопись, с прежней легкостью в отношении к этому источнику. Всякий исследователь должен теперь приступать к эпохе чрез изучение сводов, зародившихся в эту пору, как бы ни была тяжела и трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочесть то, о чем и как говорит летописец».² Впоследствии М. Д. Приселков сформулировал этот вывод еще решительнее, указав на то, что если историк, «не углубляясь в исследование летописных текстов», будет выбирать «из сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно заготовленного для него фонда», то этим он обеднит «запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт», а кроме того, он нередко «воспримет факт неверно».³

Последний вывод был высказан уже не в статье о Шахматове, а в «Истории русского летописания» — книге, опубликованной более чем через полтора десятка лет после тома Известий ОРЯС, посвященного Шахматову. Судьба этой книги, как и вся история исследования летописания после Шахматова, была весьма нелегкой и могла бы стать темой для целого рассказа, не менее драматичного, чем появившиеся за последние годы повести о судьбе ряда деятелей биологической науки. Из еще не опубликованного, но очень интересного отзыва М. Д. Приселкова на работу молодого тогда М. Н. Тихомирова о «Летописце первой четверти XVI в., принадлежащем Российскому Историческому музею» (Уваровском списке Московского свода конца XV в.), мы узнаем, что уже к 1927 г. М. Д. Приселковым была написана «История русского летописания XI—XV вв.», «которая ждет своего опубликования».⁴ Ждать этого опубликования ей пришлось, однако, очень долго и по причинам, которые к научной деятельности М. Д. Приселкова никакого отношения не имели (арест и ссылка ученого).

Еще в 1922 г. Приселков писал, что в результате трудов Шахматова «пред изумленным читателем лежала теперь полная схема истории рус<ского> летописания».⁵ Однако схема эта не была приведена А. А. Шахматовым в определенную систему, создать последовательную историю летописания XI—XV вв. пришлось самому М. Д. Приселкову — в «Истории русского летописания», вышедшей в свет в 1940 г. В какой степени эта схема может служить основой для историка, занимающегося летописями сейчас, почти полвека спустя? Вопрос этот имеет насущную важность и для филолога, исследующего летописи и летописные повести как литературные памятники, и для историка, использующего их как исторические источники.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо учесть одно обстоятельство, которое достаточно определенно отметили А. Е. Пресняков и

² ИОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 133—134, 165, 167—169.

³ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 6. (далее: Приселков. История).

⁴ ЛО Архива АН, ф. 133, оп. 1^а, ед. хр. 54, л. 1—8 об.

⁵ ИОРЯС. Т. 25. С. 130.

М. Д. Приселков. «Родство» «близких или тождественных летописей» зависит от «пользования общим источником, до нас не дошедшим», но «родство» это может быть обнаружено не только у «двух сравниваемых сводов», но и при сравнении их протографов — «основных сводов», и тогда, естественно, возникает предположение об источниках второй степени — протографах гипотетических протографов. «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызвало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом», — писал М. Д. Приселков.⁶

Но проблема «больших скобок» — не единственная, с которой необходимо считаться автору, рассматривающему генеалогическую схему Шахматова—Приселкова. Обосновывая свой научный метод, Шахматов (еще в 1899 г.) противопоставлял его методу своих предшественников, понимавших, что большинство летописей представляют собой своды, но определявших источники этих сводов весьма простым методом — путем разделения летописного текста на части по его содержанию и отнесения известий, связанных с одним княжеством и местностью, к летописанию данного княжества, а известий, связанных с другим княжеством, соответственно к другому летописанию.⁷ Автору этих строк уже приходилось указывать на принципиальное различие между этими двумя методами. Там, где вывод основывается на сравнении текстов и сравнение это дает ясные (иногда «необратимые») результаты, перед нами — полноценная научная гипотеза, наилучшим образом объясняющая объективно существующие соотношения фактического материала. Но предположение, что известие из Нижнего Новгорода или Рязани восходит к нижегородскому или рязанскому источнику, есть лишь догадка, основанная на простой возможности.⁸ Возражая против предложенного нами противопоставления, В. И. Буганов писал, что сравнивать параллельные тексты летописных сводов можно лишь в том «идеальном случае», когда они имеются, но если таких текстов нет, указывал он, то и «Шахматов прибегал . . . к разложению текста. . .», и, следовательно, этот метод нельзя называть «дошахматовским».⁹

Однако указанные «идеальные случаи» в исследованиях Шахматова и Приселкова составляют не исключение, а правило: сравнительно-текстологический материал огромен, и основные выводы обоих исследователей построены именно на таком материале. Отсутствие параллельных текстов — главное препятствие к построению летописной генеалогии, и только в случае такого отсутствия Шахматов и Приселков прибегали к «дошахматовским» приемам предположительного определения текста летописных источников на основе их тематики или места действия опи-

⁶ Приселков. История. С. 13.

⁷ Ср.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Северо-Восточной Руси». СПб., 1899 (отд. оттиск из кн.: «Отчет о 40-м присуждении наград гр. Уварова: Записки АН по историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2).

⁸ Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 20—21. Ср.: Лурье Я. С.: 1) О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: Сб. 1975. М., 1976. С. 89—90, 95—99; 2) О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории: Сб. 1976. М., 1977. С. 29.

⁹ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 46—47.

сываемых событий. Иными словами, как своеобразное дополнение к гипотезам в их текстологических построениях предлагались и догадки. Такими же догадками были в ряде случаев и атрибуции отдельных рассказов и источников — отнесение их к тому или иному автору-летописцу.

Нет сомнения, что и сам А. А. Шахматов, и А. Е. Пресняков, и М. Д. Приселков хорошо понимали различную степень убедительности (модальность) отдельных элементов принятой ими схемы истории летописания. Об этом свидетельствует уже композиция шахматовского «Обозрения». Отдельные его главы посвящены не древним сводам, а конкретным, дошедшим до нас летописям и начинаются со сравнения этих летописей с другими совпадающими с ними летописными текстами, и лишь после такого сравнения и первичного определения «основных сводов» следует сравнение установленных ученым «основных сводов» с другими подобными сводами и вытекающие из этого сравнения предположения о протографах второй степени, общих источниках этих «основных сводов» («большие скобки»).

Того же принципа придерживался и М. Д. Приселков, хотя самая тема его труда предполагала иное расположение материала — от более древних сводов к более поздним. Однако даже располагая основные главы своего труда в обычном хронологическом порядке — от XI до конца XV в., Приселков внутри этих глав шел все-таки от более поздних, но реальных текстов к гипотетическим протографам: глава «Начало русского летописания» открывалась исследованием «Повести временных лет», а затем уже следовали предшествующие ей своды; глава «Начало летописания в Ростово-Суздальском крае» начиналась Радзивилловской и Лаврентьевской летописями, а не сводами XII—XIII вв.; глава «Московский великокняжеский свод XIV в.» — Троицкой (Симеоновской) летописью, а не «Летописцем великим русским».

Предположительность выводов, основанных не на непосредственном сравнении двух источников, а на определении источников целых групп сводов, подтверждается и теми модификациями, которые внес в труды А. А. Шахматова М. Д. Приселков. Одну весьма важную поправку Приселкова к построениям Шахматова необходимо отметить в первую очередь. Сравнивая между собой Лаврентьевскую, Новгородскую I и Ипатьевскую летописи, Шахматов пришел к выводу, что общим протографом их был общерусский митрополичий свод начала XIV в. — «Владимирский полихрон».¹⁰ Но Лаврентьевская летопись совпадает с Ипатьевской целыми комплексами северных и южных известий, и совпадения эти уже А. А. Шахматов (а вслед за ним и другие исследователи) склонен был объяснять взаимным влиянием владими́ро-суздальского и южного (южно-перемыславского, черниговского и киевского) летописаний XII—XIII вв. друг на друга.¹¹ К Полихрону начала XIV в., таким образом, фактически возводились только два известия 6700—6702 гг., которые читались в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, но отсутствовали в Радзивилловской, и два сходных известия Лаврентьевской и Новгородской I. Вдобавок конечная часть Лаврентьевской летописи (за начало XIV в.), которую Шахматов возводил к Полихрону, обнаруживала черты не митрополичьего, а владими́ро-тверского великокняжеского летописания. Исходя из этого, М. Д. Приселков отказался от «больших скобок» Полихрона начала XIV в.; с ним согласились и другие авторы.¹²

¹⁰ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 11. С. 149—151.

¹¹ Шахматов. Обозрение. С. 16—18, 72—75; ср. Приселков. История. С. 95.

¹² Приселков. История. С. 60—61; ср.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 432 (примеч. 1), 470 (далее: Лихачев. Русские летописи); Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 150 (примеч. 56), 179, 260.

Осознавал М. Д. Приселков и условность и недостаточную доказанность атрибуций летописных сводов. Яркий пример этого сознания дает его отношение к собственной ранней работе, посвященной такой атрибуции. В 1911 г. в статье «Митрополит Иларион — в схеме Никон — как борец за независимую русскую церковь» Приселков обратил внимание на то, что конец деятельности и жизни Илариона, первого митрополита, поставленного в 1051 г. на русскую митрополию не константинопольским патриархом, а самими русскими, остается загадочным и неизвестным: в 1054 г. он уже, очевидно, не был митрополитом; в то же время мы ничего не знаем о начале деятельности Никона, виднейшего печерского монаха, а впоследствии и игумена, которого А. А. Шахматов считал составителем летописного свода 1079 г., предшествовавшего ПВЛ. Приселков высказал догадку, что Никон — это бывший игумен Иларион, постригшийся в монахи под именем Никона.¹³ Догадка эта была включена им и в научно-популярную книгу «Нестор-летописец».¹⁴ Однако в «Истории русского летописания» он об этой догадке даже не упомянул, хотя о летописной деятельности Никона там говорится достаточно подробно. Умолчание это, очевидно, объяснялось тем, что ученый ясно различал догадку, даже вполне вероятную, и гипотезу, вытекающую из необходимости объяснить соотношения между эмпирическими данными.

Оставляя в стороне те предположения (А. А. Шахматова и свои собственные), которые представлялись недостаточно обоснованными, М. Д. Приселков все же принимал в целом построения Шахматова по истории летописания, и его генеалогическая схема отражает не только собственные выводы, но и общие представления об истории летописания, сложившиеся в русской науке полвека назад. Следует, однако, отметить, что обобщенного графического воплощения этой схемы читатель не сможет найти в книге Приселкова: в каждой из глав этой книги содержится лишь схема взаимоотношений (стемма) летописей данного периода, и шесть схем, помещенных в этой книге,¹⁵ не были объединены в одну общую. В настоящей статье автор прежде всего предлагает читателю такую схему, сведя воедино схемы из книги Приселкова. Эта обобщенная схема дает представление о концепции русского летописания XI—XV вв., сложившейся у А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. Для того чтобы читателю было ясно, какие именно соотношения и определения сводов, данные в этой схеме, вызвали обоснованные возражения и были отвергнуты А. Н. Насоновым и другими учеными за последние десятилетия,¹⁶ мы отмечаем такие спорные соотношения (т. е. соответствующие им линии стеммы) п у н к т и р о м, а спорные определения даем в п р я м ы х с к о б к а х.

Больше всего возражений вызвали начальные звенья схемы. Именно здесь у дошедшего до нас текста ПВЛ (как и у близкой к нему НПЛ) нет соответствия (или есть лишь частичное и неполное соответствие — во внелетописной «Памяти и похвале» мниха Иакова») с другими параллельными текстами. Сомнение вызывала гипотеза о Древнейшем своде 1037 г. (предлагались другие определения древнейшего летописания: «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси» 40-х гг. XI в., свод конца X в.).¹⁷ Вызывало сомнение и существование

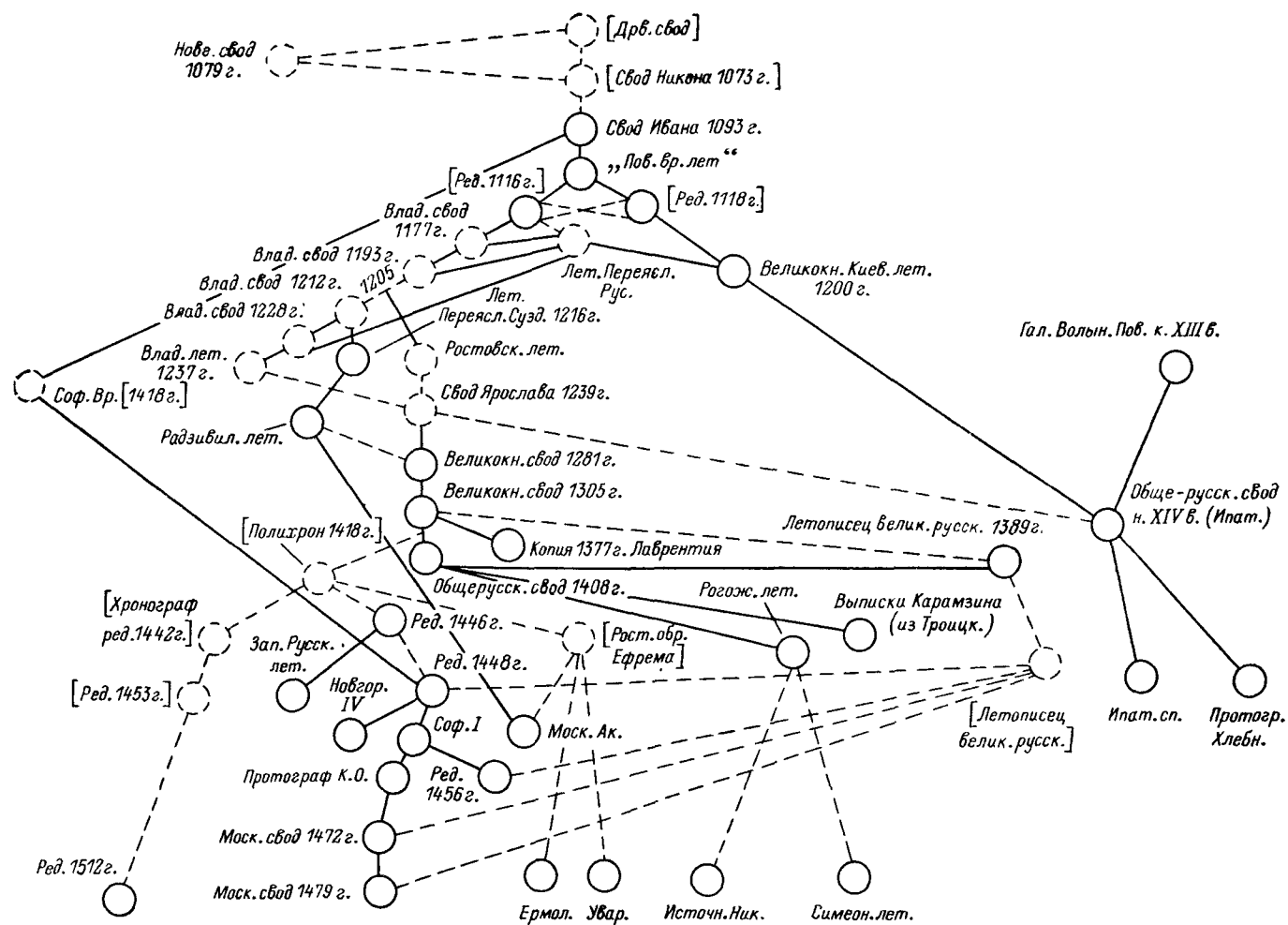
¹³ В сб.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 188—201.

¹⁴ Приселков М. Д. Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923. С. 19—23.

¹⁵ Приселков М. Д. История. С. 45, 56, 111, 141, 163, 185.

¹⁶ Ср. также: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205.

¹⁷ Лихачев В. Русские летописи. С. 62—76; Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 332—333.

свода Никона 1073 г.,¹⁸ и соотношение первых киевских сводов и следующего за ними свода Ивана 1093 г. (Начального свода) с гипотетическим Новгородским сводом 1050—1079 г. В книге М. Д. Приселкова вопрос о Новгородском своде остался до конца не рассмотренным: соответствующая глава о новгородском летописании, по-видимому, предполагалась, но была опущена.¹⁹ Сомнения в существовании этого свода были высказаны в краткой форме М. Н. Тихомировым, а в развернутой — Д. С. Лихачевым.²⁰

Спорными представляются и некоторые построения, относящиеся к самой ПВЛ. Первоначальный текст ее до нас, очевидно, не дошел, но определение версий, дошедших в Лаврентьевской, Радзивилловской и сходных летописях, как 2-й редакции (1116 г.), а версии Ипатьевской летописи как 3-й редакции (1118 г.) вызывало сомнения: высказывалось мнение, что более первоначальный текст сохранился именно в Ипатьевской летописи, а его сокращение — в Лаврентьевской и сходных летописях.²¹

Вызывала сомнение датировка новгородского источника («Софийского временника»), сохранившего текст Начального свода 1093 г. и в свою очередь повлиявшего на Новгородскую I летопись (младшего, а возможно, и старшего извода) и на Новгородско-Софийский свод 1448 г., началом XV в. (1418 г.). Последующие авторы склонны датировать «Софийский временник» XII или XIII в.²² Спорны и конкретные определения и датировки владимирских сводов конца XII—начала XIII в., хотя основное соотношение между более ранним сводом, дошедшим в Лаврентьевской летописи, и более поздним, содержащимся в Радзивилловской, представляется несомненным.²³

Предположение о существовании у летописей XV в. CI и HIV двух последовательно сменявших друг друга источников — Полихрона 1418—1422 гг. и свода 1448 г. — едва ли необходимо: памятники, в которых А. А. Шахматов и М. Д. Приселков видели отражение Полихрона 1418 г., не зависимое от свода 1448 г. (CI и HIV) и предшествующее ему, — Ермолинская летопись и Хронограф — оказываются основанными на более позднем летописании (конца XV в.). Близость Ермолинской летописи до 1425 г. к Московскому своду 1479 г., доказанная А. Н. Насоновым, дает основание предполагать, что в основе ее лежит не Ростовский свод Ефрема, а летопись, составленная в Москве не ранее 60-х гг. XV в.²⁴

Наконец, существование уже с XIV в. постоянно ведшегося великокняжеского свода «Летописца великого русского», отражавшегося и на летописании начала XV в. (Троицкая летопись), и на великокняжеских сводах 70-х гг. XV в., не подкрепляется материалом источников: происхождение реально дошедших до нас летописных памятников может быть

¹⁸ Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 121 (примеч. 9).

¹⁹ Приселков М. Д. История. С. 34; ср. с. 21.

²⁰ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 55; Лихачев Д. С. Русские летописи. С. 89 (примеч. 1), 93 (примеч. 1).

²¹ См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет та її редакції // Укр. ст. журн. 1967. № 3. С. 37—47; Müller L. Die «Dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171—186.

²² См.: Лихачев Д. С. 1) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. № 25. С. 240—265; 2) Русские летописи. С. 197—215; Кloss Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 286—287.

²³ Ср.: Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // ВИД. Л., 1987. Вып. 18. С. 64—83.

²⁴ Насонов А. Н. История. С. 268; Кloss Б. М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246—255; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 200; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 68—71, 107 (далее: Лурье. Летописи).

вполне удовлетворительно объяснено без предположения о «Летописце великом русском».²⁵

Легко заметить, что все эти сомнения и возражения относятся прежде всего к «большим скобкам» схемы Шахматова—Приселкова: не столько к непосредственным протографам дошедших летописей, сколько к источникам второй или более высоких степеней. Выводы обоих ученых, относящиеся к прямым источникам конкретных летописей — «основным сводам», остаются в общем непоколебленными. Можно сомневаться в существовании Древнейшего свода 1037 г., каким представлял его А. А. Шахматов, но для того чтобы объяснить соотношения между ПВЛ и НЛ младшего извода (текст старшего извода до 1016 г. не сохранился), необходимо предположить существование у них общего протографа, лучше отразившегося в НЛ, чем в ПВЛ, — памятника конца XI в., который Шахматов назвал Начальным сводом. Все иные объяснения этих соотношений (первичность НЛ, независимость и параллельность обоих текстов) оказываются неубедительными.²⁶ Совпадение Лаврентьевской летописи вплоть до ее окончания под 1305 г. с Троицкой (текст которой, утраченный в 1812 г., сохранился в выписках Карамзина и почти полностью — в Симеоновской летописи начиная с 1177 г.) не может быть объяснено происхождением Троицкой от Лаврентьевского списка 1377 г., ибо Троицкая летопись на всем своем протяжении содержит независимые и лучшие чтения текста. Единственным объяснением этого совпадения может служить наличие у них общего протографа — свода 1305 г.²⁷ Если наличие двух протографов у СИЛ и НЛВЛ не представляется необходимым, то существование «основного свода», к которому восходят обе эти летописи, почти идентичные по крайней мере до 1418 г., очевидно.²⁸

Общая схема истории летописания, предложенная А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, в основном выдержала испытание временем. Но еще более важно другое обстоятельство: судьба этой схемы подтвердила правильность ее методических принципов. Сравнительно-текстологический метод, дающий возможность восстанавливать «основные своды» — прямые протографы сохранившихся летописей, оказался несравненно плодотворнее «разложения текстов» и догадок о возможно существовавших, но не подтвержденных реальными данными сводах и столь же предположительных атрибуций.

В какой же степени методические принципы Шахматова и задачи, уже намеченные Пресняковым и Приселковым в их статьях 1922 г., оказались реализованными? Темой настоящей статьи не служит разбор работ по летописанию, появившихся после 1940 г.; нас интересует лишь судьба генеалогической схемы Шахматова—Приселкова и их метода в науке. Ни Шахматов, ни Приселков не подвергались такому резкому осуждению, как, например, А. Н. Веселовский и филологи-компаративисты, литературоведы ОПОЯЗа, противники Марра — Е. Д. Поливанов и ряд других. Мы уже упоминали, однако, резкий перерыв в исследовании летописей, наступивший с конца 20-х и продолжавшийся до конца 30-х гг. Пере-

²⁵ Л у р ь е Я. С. 1) Летописи. С. 61—65, 124 (примеч. 7); 2) О московском летописании конца XIV в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 17—18.

²⁶ Ср.: Л у р ь е Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 18—21.

²⁷ Ср.: Л у р ь е Я. С. 1) Летописи. С. 22—23, 30—32; 2) Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 241—244. — Г. М. Прохоров, высказавший предположение о зависимости Троицкой летописи от Лаврентьевского списка (Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Л., 1972. Вып. 4. С. 103—104), не объяснил наличия множества явно первичных чтений в Троицкой летописи по сравнению с Лаврентьевской.

²⁸ Ср.: П р о х о р о в Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, Г. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 193—194; Л у р ь е Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199—200, 206—207.

рыв этот сказался не только на судьбе М. Д. Приселкова, но и его ученика А. Н. Насонова. В 1933 г. директор Историко-археографического института заявил, что институт «порвал с тематикой старой Археографической комиссии», издававшей летописи.²⁹ Издание Полного собрания русских летописей было прервано в 1928 г., и предложение М. Д. Приселкова в конце 30-х гг. возобновить его на новых принципах (мнимо хронологический порядок, положенный в основу ПСРЛ до начала XX в., был разрушен после открытий Шахматова) так и не было осуществлено (издание ПСРЛ возобновилось в 1949 г., но без какой-либо единой системы).³⁰ В 1950—1952 гг. в научных изданиях появились статьи о А. А. Шахматове и М. Д. Приселкове как «буржуазных источниковедах», создававших «антимарксистские схемы» и объединявших «русскую культуру», сводя «на нет ее самостоятельность, оригинальность и прогрессивные черты».³¹

Однако с середины 50-х гг. научный метод А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова можно было считать реабилитированным в нашей науке. Основные принципы современной текстологии в значительной степени основываются на трудах этих ученых.³²

Иначе обстоит дело с применением этого метода при исследовании конкретного летописного материала. Против сравнительно-текстологического метода как основы изучения летописей прямо высказывался лишь один автор, А. Г. Кузьмин, предложивший вернуться к методике предшественников А. А. Шахматова — к разложению сводов на отдельные элементы, к изучению их как сочинений, составленных «из разных источников».³³

Критика шахматовского метода, высказанная А. Г. Кузьминым, вызвала развернутые возражения ряда авторов.³⁴ Но на практике метод «расшивки», выделения «разных источников» на основе их содержания оказался достаточно стойким. Хорошим примером этого может служить недавно опубликованная монография Л. Л. Муравьевой «Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV века». Тема книги — летописание XIV в. в различных княжествах: начало тверского и московского летописания, нижегородско-суздальское, ростовское, рязанское и смоленское летописание. Однако конкретной темой книги является обзор известий о перечисленных княжествах, встречающийся в отдельных летописях. Метод работы Л. Л. Муравьевой во многом совпадает с методом тех предшественников А. А. Шахматова, с критикой которых ученый выступил еще в конце XIX в.:³⁵ известия о данном княжестве она без колебаний рассматривает как памятники летописания этого княжества. В этом отношении особенно характерны главы, посвященные тем областям, летописание которых в сколько-нибудь развернутой форме не сохранилось, — княжеству Суздальско-Нижегородскому, Ростовскому и Рязанскому.

²⁹ Томсинский С. Г. Проблемы источниковедения // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 9, 211—212.

³⁰ План нового издания ПСРЛ, предложенный М. Д. Приселковым, см.:

Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 139—141, примеч. Ср.:

Лурье Я. С. Изучение русского летописания // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 16—17.

³¹ Ср.: Будовиц И. У. Об исторических построениях М. Д. Приселкова // ИЗ. М., 1950. Т. 35. С. 199—231; Пашуто В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2. С. 47—73.

³² Ср.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 340—386; 2-е изд.: Л., 1983. С. 356—403.

³³ Кузьмин А. Г. 1) Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВЛ. 1973. № 2. С. 42, 46, 51; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 45.

³⁴ См.: Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50—70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 46—64; Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194—203; Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33, № 5. С. 454—464; Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей. С. 21—25.

³⁵ См. выше, примеч. 7.

Точно так же, как и А. Г. Кузьмин, Л. Л. Муравьева склонна отождествлять «Сведения летописей о Рязани» с «язанским летописанием»; недаром и перечисленные ею «язанские известия» заимствованы, как указывает она сама, из монографии А. Г. Кузьмина.³⁶ Но даже на примерах из книги Л. Л. Муравьевой легко показать, что известие о данном княжестве — вовсе не обязательно известие из летописания этого княжества. Так, в обзоре «нижегородско-суздальских известий», содержащемся в ее книге, под 1392 г. мы находим известие о свержении Василием I нижегородского князя Бориса Константиновича и измене его боярина Василия Румянца. Но известие это читается в общерусском своде, составленном в 1412 г. в Твери (Рогожский летописец и Симеоновская летопись), и в Тверском сборнике (Тверская летопись) — совершенно очевидно поэтому его тверское происхождение.³⁷

Сам по себе обзор известий конца XIII—начала XV в. о различных княжествах мог бы рассматриваться как полезная предварительная сводка материалов для дальнейших исследований. Но Л. Л. Муравьева видит в своем труде не такую предварительную сводку, а текстологическое исследование: в каждой из глав намечаются гипотетические «своды» — тверские, московские, нижегородско-суздальские и т. д. На чем основываются выводы об этих «сводах»?

Существование тверского свода 1327 г. аргументируется тем, что до 1327 г. (начиная с 1285 г.) Рогожский летописец (Рог.) сходен только с Тверским сборником (Тв. сб.), а с 1327 г. по 1375 г. тверские известия перемежаются в нем с известиями, совпадающими с Симеоновской (близкой к Троицкой) летописью. Но тверские известия в Рог. вовсе не прекращаются на 1327 г.; следовательно, предполагать какой-либо его тверской источник, кончающийся на этом годе, мы не имеем оснований: просто с 1327 г. Рог. начинает пользоваться еще одним источником. Между тем Л. Л. Муравьевой известен другой тверской памятник, очевидно, основанный на более раннем материале, чем Рог. и Тв. сб., — фрагмент тверского летописания за 1314—1344 гг., но как раз в этом фрагменте под 1327 г. никакого рубежа не обнаруживается.³⁸

Еще более сомнительным представляется существование нижегородско-суздальского свода 1383 г., прокламированное Л. Л. Муравьевой в соответствующем разделе ее работы. При перечислении известий о Нижнем Новгороде и Суздале никакого рубежа под 1383 г. автор не указывает: известия, которые Л. Л. Муравьева считает нижегородско-суздальскими, содержатся и под этим годом, и до, и после него. Объяснение существования «нижегородско-суздальского памятника 1383 г.», которое мы находим в книге, — сугубо умозрительное и общесторическое: «Этот памятник посвящен прежде всего великому княжению Дмитрия Константиновича. Он умер в 1383 г. Последующее десятилетие заполнено междоусобной борьбой сыновей кн. Дмитрия».

Так же обосновывается и существование «Ростовской летописи 1365 г.». При перечислении известий, которые она возводит к этой летописи, Л. Л. Муравьева опирается на «единый массив» «ростовских известий»,

³⁶ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV в. М., 1983. С. 237—244. Ср.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.

³⁷ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси. С. 180—181. Ср. Лурье Я. С. Из наблюдений над летописями первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. С. 297. — Отметим, кстати, крайне неточное и противоречивое изложение Л. Л. Муравьевой мнения автора этих строк, не отвергающего, а принимающего взгляды А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова на общий источник Рогожского летописца и Симеоновской летописи как на тверскую обработку общерусского свода, проведенную в 1412 г. (Ср.: Лурье Я. С. Летописи. С. 36—37, 54).

³⁸ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси. . . С. 84—104. Ср.: Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 30—40.

содержащийся в Московско-Академической (МАк), Уваровской (Ув.), Ермолинской (Ерм.) и других летописях. Но такого «массива» не существует. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков действительно предполагали, что МАк, Ув. и Ерм. восходили к ростовской обработке Полихрона архиепископа Ефрема. Но А. Н. Насонов неопровержимо доказал, что вплоть до 1418—1425 гг. Ерм. содержит сокращенное изложение общего протографа, более полно переданного Московским сводом 1479 г. («свода Феодосия-Филиппа» 1464—1472 гг., по Насонову, или «особой обработки свода 1448 г.»); никаких специфически ростовских известий за период до 1425 г., сближающих Ерм. с МАк, неизвестно; Ув. в этой части точно следует Ерм. Следовательно, сводить эти летописи в «единый массив» нельзя. Однако и пределах этого «массива» 1365 г. не знаменует какого-либо рубежа. Л. Л. Муравьева не находит никаких летописных известий о Ростове между 1356 (!) и 1371 гг., но утверждение, что «после 1365 г. летописи дают обрыв ростовских текстов до 1371/1393 гг.», не подтверждается ее же собственными наблюдениями.³⁹

Мы специально остановились на работе Л. Л. Муравьевой потому, что она отражает далеко не исключительное в нынешнем «летописеведении» явление. Вместо весьма трудоемкой работы, требующей знания всей установленной предшественниками летописной генеалогии, некоторые авторы избирают иной метод. В «Театральном романе» М. А. Булгакова один из литераторов советует своему собрату по перу «настричь десяток рассказов» из предлагаемого ему литературного материала. Совершенно таким же образом можно без особых затруднений «настричь» из имеющихся летописей десятки и даже сотни древних сводов.

К счастью, такая методика не может считаться преобладающей. После книги М. Д. Приселкова вышел в свет ряд работ, основанных на тщательном сравнительно-историческом исследовании всей массы летописных памятников. В первую очередь здесь должна быть названа «История русского летописания XI—XVIII вв.» А. Н. Насонова, давшая основание для пересмотра ряда выводов А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. Но книга эта вышла два десятка лет назад, и пока еще мы едва ли готовы к созданию нового труда аналогичного масштаба и охвата. А между тем материал летописей, находящихся в наших архивах, далеко не полностью введен в науку и опубликован; сравнительно-исторические исследования, которые уточнили и дополнили бы схему Шахматова—Приселкова, могут и должны быть продолжены.

Наряду с этим перед исследователями летописей стоит и другая важнейшая задача. Мы уже упоминали слова М. Д. Приселкова о том, что если историк, не углубляясь в историю изучаемых летописей, будет выбирать «из сводов разных эпох нужные ему записи», то он «воспримет факт неверно», в соответствии с тенденциями летописца. В качестве конкретного примера Приселков приводил легенду о перенесении центра русских княжеств из Киева во Владимир, заимствованную историками у владимирских летописцев XII—XIII вв.; еще большее значение имела «московская политическая трактовка, чрез которую прошло огромное большинство дошедших до нас летописных текстов».⁴⁰ Сопоставление основной летописной традиции (преимущественно великокняжеских и царских летописей XVI в. типа Никоновской), на которую чаще всего опираются историки, с иными видами летописания дает возможность пересмотреть идеологическую и политическую историю древней Руси. Возможность эта, вытекающая из сравнительно-исторического изучения сводов в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и их последователей, далеко еще не реализована нашими историками и литературоведами.

³⁹ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси. . . С. 167, 179, 185—186, 207, 210, 212, 226. Ср.: Насонов. История. С. 260—274; Лурье. Летопись. С. 150—161, 174—175, 206 (примеч. 107).

⁴⁰ Приселков. История. С. 6, 72—73.